

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.16

Original article

СОЛОВЬЁВ Сергей Александрович
Государственный академический
университет гуманитарных наук (ГАУГН);
Адвокатское бюро города
Москвы «Сословие»,
Москва, Россия,
e-mail: solovievsa@gaugn.ru

SOLOVIEV Sergey Alexandrovich
State Academic University for the Humanities
(GAUGN), Moscow City Law Office «Soslovie»,
Moscow, Russia.

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE ADVERSARIAL PRINCIPLE AND THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Надлежащее понимание принципов состязательности и равноправия сторон перед судом при отправлении уголовного судопроизводства за период действия УПК РФ было серьезно трансформировано. Во многом это произошло под влиянием неолиберальной западной повестки, активно насаждаемой в Российской Федерации до 2022 г. Вопреки исторически сформированной публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства в России продвигалось расширительное толкование принципа состязательности и равноправия сторон перед судом, что повлияло на формирование – в первую очередь в среде адвокатов-защитников – необоснованных предложений о выравнивании процессуальных возможностей адвоката и следователя. Цель исследования заключается в доказывании необходимости трансформации современного отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения для обеспечения взаимосвязи с сегодняшним этапом развития нашего государства, его исторически сложившимися конституционно-правовыми и институциональными формами. В работе приводятся примеры организации уголовного процесса в других государствах, свидетельствующие о весьма избирательном наполнении не только принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, но и принципа презумпции невиновности. Основные методы исследования: системно-структурный, сравнительный, анализа, синтеза, индукции, а также специально-юридические и логические. По итогам исследования сформулирован вывод о необходимости рационального отношения к процессуальным возможностям реализации принципа состязательности и равноправия сторон как

Abstract. The proper understanding of the principles of adversarial proceedings and equality of the parties before the court in the administration of criminal proceedings was seriously transformed during the period of operation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This was largely influenced by the neoliberal Western agenda, actively imposed in the Russian Federation until 2022. Contrary to the historically formed public-law form of organisation of criminal proceedings in Russia, an expansive interpretation of the principle of adversarial proceedings and equality of the parties before the court was promoted, which influenced the formation, primarily among defence lawyers, of unfounded proposals to equalise the procedural opportunities of the lawyer and the investigator. The purpose of the study is to prove the necessity of transforming modern national criminal procedure legislation and the practice of its application to ensure the relationship with the current stage of development of our state, its historically established constitutional law and institutional forms. The paper provides examples of the organisation of criminal proceedings in other states, showing a very selective approach not only to the principle of adversarial proceedings and equality of parties in criminal proceedings, but also to the principle of presumption of innocence. The main research methods are the system-structural method, the comparative method, analysis, synthesis, and induction. Special legal and logical research methods are used. The study concludes that there is a need for a rational approach to the procedural possibilities of implementing the

допустимого баланса публичного и частного при публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства в государстве, что в первую очередь влияет на обеспечение сохранности государственного суверенитета в уголовном судопроизводстве. Одновременно с этим указывается на отсутствие противоречий между методом состязательности и методом всесторонности, полноты и объективности в уголовном судопроизводстве и необходимость его нормативного закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в качестве нормы-принципа.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, стороны, адвокат, защитительная деятельность, принципы состязательности и равноправия перед судом, следователь, метод всесторонности, полноты и объективности, неолиберальная идеология

Для цитирования: Соловьёв С.А. Принцип состязательности и баланс публичного и частного в уголовном судопроизводстве / С.А. Соловьёв. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 143–151.

principle of adversarial proceedings and equality of parties as a permissible balance of public and private in the public-law form of organising criminal proceedings in the state, which primarily affects the preservation of state sovereignty in criminal proceedings. At the same time, it is pointed out that there are no contradictions between the adversarial method and the method of comprehensiveness, completeness and objectivity in criminal proceedings and that it should be normatively enshrined in the current criminal procedure legislation as a norm-principle.

Keywords: criminal procedure, court, parties, lawyer, defence activity, principles of adversarial proceedings and equality before the court, investigator, method of comprehensiveness, completeness and objectivity, neoliberal ideology

For citation: Soloviev S.A. The Adversarial Principle and the Balance of Public and Private in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 143–151. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.16.

Состязательное начало, как справедливо учит теория...
составляет одно из общепризнанных и наилучших
из всех до сих пор выработанных в цивилизованном мире
«ручательств судебной истины».
Г.А. Джаншиев

ВВЕДЕНИЕ

Л.В. Головкин в монографии «Государство и его уголовное судопроизводство» отмечает, что принцип состязательности и равноправия сторон (идеологическая уголовно-процессуальная догма) находится в глубоком противоречии с организацией и построением (технологический императив) уголовного судопроизводства в Российской Федерации, когда государство, этот «фундаментальный и единственно легитимный источник уголовно-процессуальной власти, стоящий на страже интересов всего общества и обладающий монополией на привлечение к уголовной ответственности, применение мер уголовно-процессуального принуждения и т. п., обязан вдруг "сдуться" едва ли не до объемов частного лица, чтобы состязаться с другим частным лицом – обвиняемым, продолжая в то же время осуществлять, причем от своего имени, правосудие,

т. е. рассматривать споры между собой (как стороной) и обвиняемым, вопреки правилу о том, что "в собственном деле судьи нет" (*nemo iudex in causa sua*)» [1, с. 306–307]. По словам А.Ф. Кони, римляне такую ситуацию называли «островом, возникшем в реке» [2, с. 344].

О ПОЯВЛЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ЕЕ ПОНИМАНИЯ

Начать работу с двух цитат – Г.А. Джаншиева и Л.В. Головкин – мы посчитали целесообразным хотя бы по той причине, что за последние 22 года весьма агрессивного, на наш взгляд, насаждения в Российской Федерации неолиберальной уголовно-процессуальной повестки понятия состязательности и равноправия сторон были истрепаны научно-практическим дискурсом, в результате чего эти

дефиниции приобрели столь гипертрофированный объем, что стали использоваться в качестве лозунгов, юридических обличений и идеологического базиса построения уголовного судопроизводства. И если еще в 2006 г. С.А. Шейфер и А.А. Тарасов в попытке угадать, каким законодателю видится российский уголовный процесс – смешанным или состязательным, говорили о злонамеренных утверждениях, что «Концепция судебной реформы, на которой основан новый УПК, – это не больше не меньше как выполненный узкой группой ученых социальный заказ Запада, направленный на разрушение российского правосудия» [3, с. 409], то сейчас, в особенности начиная с февраля 2022 г., в доктрине активно обсуждается влияние западной неолиберальной идеологии на национальное уголовно-процессуальное законодательство, которое было направлено «на слом границ между публичным и частно-правовым» [1, с. 310], на радикализацию принципа состязательности в уголовном судопроизводстве в попытке превратить уголовный процесс в «рыночный, договорной», где государство не «фундаментальный и единственно легитимный источник уголовно-процессуальной власти», а сторона процесса, на которую возлагается обязанность «вести состязательный поединок с обвиняемым» [2, с. 309–311]¹.

Так, в очередном, четвертом уже издании «Курса уголовного процесса» [4], прямо ука-

зывается, что резкое изменение курса в подготовке УПК РФ было обусловлено вычлениением из большой малой рабочей группы, «куда вошли только сторонники перехода к полностью состязательному процессу», а также «резким ростом интереса к проекту со стороны американских дипломатических и экспертных кругов, работавших в непосредственном контакте с малой группой Е.Б. Мизулиной и оказывавших ей поддержку по двум направлениям: 1) логистическая помощь в сопровождении прохождения законопроекта по линии отдела укрепления права посольства США и 2) экспертная помощь² в подготовке законопроекта по линии финансировавшегося Правительством США проекта "Центрально- и Восточно-европейская правовая инициатива Американской ассоциации юристов"» [4, с. 132–133].

Эту же проблему, но в более масштабном выражении, поднимает и Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, указывая, что «процессы глобализации уже ставят в повестку дня необходимость формирования глобального правопорядка, глобального права, а значит – и глобального правопонимания», которое «не может быть выстроено лишь на базе либерально-индивидуалистического подхода, т. е. без учета солидаризма как подхода, ориентированного на согласование интересов и ценностей всех участников глобального взаимодействия» [5, с. 15].

Однако «семена» рыночно ориентированного отечественного уголовного процесса дали поразительную «всхожесть», и вот уже коллега автора, адвокат В. Багатурия, в статье «Как вернуть состязательность в уголовный процесс»³, сетуя на недостаточность доказательственных возможностей, предлагает наделить защитников правом самостоятельного допроса свидетелей и потерпевших по уголовному делу, при этом, как он указывает, с запретом следователю передпрашивать свидетеля

1 Весьма ярким и показательным в этой части является интервью заместителя председателя Комитета по законодательству Государственной Думы, главы рабочей группы по разработке УПК РФ Е.Б. Мизулиной, данное в конце 2003 г. portalу «Гарант.Ру»: «Вопрос: Все ли правоприменители довольны новым УПК? Ответ: Однозначно нет. Представьте себе, что многие люди, занятые в этой сфере в течение многих лет, знали наизусть многие положения старого УПК, оказались в один момент на уровне первокурсника юридического вуза. И даже ниже, т. к. у студентов не забита голова устаревшими положениями. Это только технический вопрос. Безусловно, недовольных много, и сегодня многие увольняются, уходят на пенсию или переходят на другую работу. Вопрос: Как вы относитесь к проверке Конституционным Судом ряда положений УПК? Ответ: Резко отрицательно. Во-первых, меня удивляет, что инициаторами стали не следственные органы, не прокуратура, а суды. Причем методы убеждения были выбраны, мягко говоря, не честные, т. к. в качестве "живого аргумента" привели родственников потерпевших со словами: "кто им объяснит, почему преступники, от чьих рук пострадали их родственники, не понесут наказания?". При этом забывают о том, что цель нового УПК – избежать произвола и судебных ошибок» (Судебная реформа в России и Уголовно-процессуальный кодекс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/interview/10290/> (дата обращения: 27.01.2025)).

2 В «Курсе уголовного процесса» со ссылкой на работу Spence M.J. «The Complexity of Success: U. S. Role in Russian Rule of Law Reform» прямо указывается, что два финансируемых бюджетом США американских специалиста по сравнительному уголовному процессу «стали ex officio членами рабочей группы Е.Б. Мизулиной, непосредственно приняв участие в написании нескольких разделов проекта УПК РФ. Отмечается, что гл. 40 УПК РФ не вошла бы в Кодекс без их активной деятельности» [4, с. 133].

3 Багатурия В. Как вернуть состязательность в уголовный процесс // Новая адвокатская газета. 2015. № 13 (198).

и потерпевшего, если защитник первый допросил данное лицо⁴.

На проведенном 24 октября 2024 г. на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) круглом столе на тему использования специальных знаний адвокатом в уголовном процессе звучали не менее, на наш взгляд, одиозные предложения, состоящие в наделении защитников правом самостоятельного назначения по уголовному делу судебной экспертизы, предупреждения специалистов и экспертов об уголовной ответственности за дачу заведомо необоснованного заключения, заявления ходатайств о проведении судебной экспертизы, подлежащих обязательному удовлетворению, хотя, надо признаться, что по сути это уже не ходатайство, а указание органу предварительного расследования, подлежащее обязательному исполнению.

При этом известная максима «Просите властных полномочий – получите обязанность доказывать невиновность», к огромному сожалению, не останавливает некоторых коллег в гипертрофировании возможностей принципа состязательности и равноправия сторон для обеспечения защитительной деятельности.

Нами в этой связи уже отмечалось, что в желании добиться иллюзорного познавательного равноправия заложена главная ошибка в понимании защитительной деятельности [6]. Наделение защитника правом собирания доказательств одномоментно перерастет из права в обязанность, хотя бы из той логики, что аналогичная деятельность публичных органов власти является его профессиональной обязанностью, а не правом. Все это, безусловно, приведет к установлению ответственности адвоката в случае ненадлежащего исполнения этой обязанности, избежать которой можно будет, только доказав невиновность своего подзащитного⁵.

4 Сложно представить возможность дальнейшего полета мысли при таком понимании независимым профессиональным советником по правовым вопросам, коим в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является адвокат, понятия состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе. Следующим шагом, вероятно, должно быть право защитника на самостоятельное применение особых защитительных мер пресечения в отношении своих подзащитных с помещением их в альтернативные адвокатские изоляторы.

5 Предложения о введении таких санкций имеются в научных работах [7; 8].

Обозначенная выше позиция, весьма популярная среди адвокатов, требующих уравнивания их в праве сбора и получения доказательств по уголовному делу со следователем, демонстрирует очевидное непонимание особой сути познавательной и, в отличие от следователя или дознавателя, односторонней деятельности защитника, вектор которой направлен исключительно на «оспаривание причастности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого к совершению преступления, опровержению обвинения в полном объеме или в какой-либо его части» [9, с. 34–35], тогда как публичным интересом в уголовном судопроизводстве всегда была, есть и будет неотвратимость наказания за совершенное преступление.

Н.Н. Полянский, говоря о целях уголовного процесса, писал, что таковой является «установление для конкретного случая существования (то есть существует ли) права государства на наказание и эвентуально (то есть если оно существует) тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению» [10, с. 155–156].

Ретроспективное познание защитником событий преступления осуществляется исключительно для обеспечения защиты частного интереса лица, привлеченного к уголовной ответственности. Вместе с тем данным положением не отрицается постулат, что в сфере уголовного судопроизводства все частное происходит из общественного, но будучи взятым под охрану и защиту, приобретает характер публичного [11, с. 39]. Как метафорично выразился Л.В. Головкин, «публично-правовой "шатер", которым накрыта функция защиты, отнюдь не означает, что обвиняемый перестает быть частным лицом, его интересы перестают быть частными... поскольку правомерный частный интерес обвиняемого всегда совпадает с интересом публичным... и *a priori* не может ему противоречить» [1, с. 329]. Аналогичной позиции придерживался в этом вопросе и М.С. Строгович, отмечавший, что «законный интерес обвиняемого... ни в малейшей мере не противоречит интересам правосудия, а наоборот, его соблюдение и охрана в полной мере им соответствуют» [12, с. 74].

В этой связи можно констатировать, что цели и задачи защитника в реализации общего назначения уголовного судопроизводства,

предусмотренного ст. 6 УПК РФ, существенно сужены, что в определенном смысле обосновано именно существенной разностью в процессуальных возможностях по сравнению со следователем как представителем государства, уполномоченным на ведение соответствующей публичной деятельности.

Более того, как нами уже отмечалось в предыдущих работах, квалифицированный защитник никогда не будет искусственно стремиться к активизации своей роли в собирании доказательств, что совершенно обоснованно, так как далеко не по каждому уголовному делу существуют такие обстоятельства, которые позволяют именно доказать невиновность конкретного лица. Куда чаще бывает, что полученных органом расследования доказательств объективно не хватает для утверждения о наличии их достаточной совокупности, свидетельствующей об обоснованности предъявленного обвинения. И вот тут очень важно «показать» суду это обстоятельство, продемонстрировать эту, перефразируя медицинскую терминологию, доказательственную недостаточность. Вот на что в первую очередь должна быть направлена активность познающего субъекта, что и является сутью гносеологии защитительной деятельности, а не наделение защитника официальным статусом собирателя доказательств [6, с. 45].

Соглашаясь с позицией Л.В. Головки в том, что уголовное судопроизводство изначально решает иные – публично-правовые – задачи, чем гражданское, нам стоит признать, что в уголовном процессе, организованном по публично-правовой форме, существуют иные процессуальные конструкции: предварительное расследование, принцип *ex officio*, предписывающий суду действовать по обязанности, по долгу службы, независимо от просьбы сторон, активный суд, фактическое отсутствие сторон [1, с. 310]. В этой связи, возвращаясь к влиянию неоллиберальной идеологии на уголовное судопроизводство, полагаем, что ее задачами было перевести уголовный процесс на «рыночные», «договорные рельсы» (отсюда, к слову сказать, в наш уголовный процесс пришел институт особого порядка рассмотрения уголовных дел, включая досудебное соглашение о сотрудничестве), создать из государ-

ства «сторону» в уголовном судопроизводстве, обеспечить внедрение так называемого принципа «равенства оружия», который через специфические методы Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) был возведен в европейском правоприменении чуть ли не в абсолют. Здесь, вероятно, одной строкой стоит отметить, что формирование в континентальной системе права процессуальных конструкций, присущих именно англосаксонской системе, не должно никого вводить в заблуждение, так как право управления уголовным процессом в различных государствах дает существенно больше влияния, чем это кажется на первый взгляд⁶.

ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИНЫХ ГОСУДАРСТВ

Еще совсем недавно было принято сравнивать отечественное уголовно-процессуальное законодательство с его европейскими аналогами из континентальной семьи, причем, как правило, не в пользу отечественного образца. Вместе с тем практически никогда в таких сравнениях не отмечалось, что современный УПК Франции, как говорил уже многократно упоминаемый нами Л.В. Головка, «весьма далек от состязательной догмы» [1, с. 308]. Так, данный нормативный акт Франции, содержащий до 15 июля 2000 г. общие принципы отправления правосудия только в своей преамбуле, позиционировал лишь принцип «баланса прав», который был направлен на достижение такого положения сторон, при котором они не находятся в нестабильной ситуации и имеют реальную возможность представить суду свое дело в тех же условиях, что и их процессуальный оппонент [13, с. 72–73].

Применительно к немецкому процессуальному законодательству состязательный принцип находится в абсолютном антагонизме, а принцип равноправия сторон, синонимически и по смыслу соединенный с принципом со-

⁶ В качестве примера можно привести ситуацию с инвестиционными арбитражами: суд, имеющий негосударственную природу и специализирующийся на разрешении дел особого рода, фактически присвоил себе функцию по оценке каких-либо действий на предмет ответственности национальному уголовно-процессуальному законодательству. См. подробнее: [1, с. 411–424].

стязательности, вообще не находит закрепления в УПК Германии. Очевидно, что без equality of arms состязательность превращается в пустой звук. Вместе с тем, как пишут немецкие процессуалисты Ф.К. Шредер и Т. Феррел, принцип состязательности «не вписывается в уголовно-процессуальное право Германии» вследствие «внушительного информационного гандикапа у органов прокуратуры». Это обстоятельство сформировало такое правоприменительное поведение участников уголовного процесса, в котором лишь обеспечивается «запрет неравного подхода к сторонам, не связанный с их различными процессуальными ролями» [14, с. 31–32], что, согласитесь, совершенно не подходит к активному толкованию состязательности и равноправия сторон в отечественном уголовном судопроизводстве.

Не содержит положений о равноправии сторон и состязательности ни УПК Чешской Республики, ни УПК Австрийской Республики, ни УПК Эстонской Республики, ни даже УПК Японии, тоже построенный по континентальной модели [15, с. 139–159].

Здесь стоит отметить, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., через призму которой ЕСПЧ в последующем генерировал свои процессуальные конструкции, обязательные к реализации в уголовно-процессуальном законодательстве европейских государств, включая Россию, не содержит ни слова ни о состязательности, ни о «равенстве оружия», а закрепляет лишь конвенциональный принцип справедливости судебного разбирательства. Обращаем, вслед за Л.В. Головки, внимание на крайне взвешенную позицию Комиссии по правам человека, высказанную в 1959 г., в соответствии с которой справедливое судебное разбирательство является таковым, когда «любая сторона имеет разумную возможность изложить свою позицию суду в условиях, которые не ставят ее в существенно менее выгодное положение по сравнению с противоположной стороной» [1, с. 313]. Согласитесь, нет ни слова ни о каком мифическом «равенстве оружия».

Более того, даже для англосаксонской правовой семьи принцип «равенства оружия» в его фактической реализации имеет весьма скромное наполнение. Вот строки Уильяма

Бернама из его работы «Правовая система США»: «В судебных системах, следующих англосаксонской правовой традиции, этот принцип («равенства "судебного инструментария" сторон». – С. С.) применяется как по гражданским, так и по уголовным делам. Таким образом, и в отношении стороны обвинения, и в отношении стороны защиты применяются одни и те же ограничения при представлении доказательств и изложении своих позиций по делу. Сторона обвинения сидит за таким же по форме столом и на том же уровне, что и сторона защиты, прокурор носит такую же обычную одежду, что и адвокат-защитник. Какими бы прерогативами ни был бы наделен прокурор вне стен зала судебного заседания, они исчезают, как только он является в суд для участия в судебном разбирательстве по уголовному делу» [16, с. 171].

Отдельно отметим, что эти условия соблюдаются при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, тогда как порядка 90–97 %⁷ уголовных дел в США рассматриваются вообще вне какой-либо состязательной процедуры, а через «сделку с правосудием». Аналогичная ситуация в Англии и Уэльсе. А.В. Махов и М.А. Пешков, со ссылкой на американского юриста Реймонда Моли, отмечают, что в 1839 г. в штате Нью-Йорк 22 % приговоров по уголовным делам были результатом «сделки о признании вины»; в 1896 г. 70 % всех уголовных дел были разрешены подобным способом; в 1920 г. 88 % всех уголовных дел были разрешены посредством заявлений о признании вины [18, с. 168].

Приведем еще несколько примеров. Так, в законодательстве целого ряда европейских (и не только) стран имеет место даже ограничение действия принципа презумпции невиновности путем возложения бремени доказывания определенных обстоятельств на подсудимого. Так, например, в уголовной процедуре Франции доказывание оправдывающих обстоятельств по

⁷ У К.Ф. Гуценко читаем: «...в 60-х годах более 90 % уголовных дел в США не проходят через процедуру судебного разбирательства» [17, с. 135]. У Л.В. Головки читаем: «Судебное разбирательство в США сегодня имеет место примерно по 3 % уголовных дел (в Англии чаще). В остальных случаях обвинение и защита заключают "сделку": обвиняемый признает свою вину, а прокурор "снимает", например, часть обвинения или переквалифицирует его на менее тяжкое» [1, с. 144].

делам о сутенерстве (ст. 226-5 УК Франции), за участие в наркобизнесе (ст. 222-39-1 УК Франции), а также по делам, вытекающим из нарушений безопасности дорожного движения или организованной преступности, возлагается на подсудимого, так как в этих случаях, по мнению французских законодателей, именно подсудимому проще опровергнуть выдвигаемые обвинения, нежели стороне обвинения доказать вне разумных сомнений отрицательный факт [13, с. 94; 15, с. 147].

Допустимо возложение бремени доказывания на сторону защиты и в Австрии – в случаях, когда с ее стороны приводятся обстоятельства, исключающие наказуемость деяния (самооборона, невменяемость и т. д.) или препятствующие продолжению уголовного преследования (давность, отбытие наказания за это деяние на территории другого государства и т. д.) [15, с. 147].

Множественные исключения из правила о распределении бремени доказывания обнаруживаются и в уголовно-процессуальном законодательстве Англии, Уэльса, Северной Ирландии. Так, в частности, в середине 90-х годов XX в. в Англии по 219 из 540 видов преступлений, преследуемых по обвинительному акту, предусматривался обязательный переход на сторону защиты бремени опровержения ряда обстоятельств преступного деяния, отказ от которого рассматривался не в пользу интересов привлекаемого к ответственности лица [19, с. 23]. При отправлении уголовного судопроизводства в Израиле действует правило, в соответствии с которым «отказ обвиняемого свидетельствовать в суде может быть расценен как косвенное доказательство в пользу стороны обвинения» [20, с. 42], а ст. 148 УПК Японии определяет существенное изъятие из понятия свидетельского иммунитета, ограничивая его действие по групповым делам исключительно в отношении конкретного лица и обязывая свидетеля давать показания в отношении иных лиц, привлеченных по этому же уголовному делу в качестве обвиняемых [21, с. 104].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо определить, что отечественному уголовному процессу более ценно: утопические стенания по невозможности (при

публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства) обеспечения некой идеальной состязательности и реального равноправия сторон или выстраивание, как пишет Л.В. Головкин, «реалистических концепций состязательности, которые бы не вступали в противоречие с природой государства и формами его участия в уголовном судопроизводстве» [1, с. 318]. За таким внешне сугубо процессуальным вопросом на самом деле стоит проблема обеспечения уголовно-процессуального суверенитета нашей страны, что вряд ли можно считать малозначительным.

Если мы, действуя рационально, будем придерживаться позиции «реалистических концепций состязательности», то в этой связи мы должны признать, что уголовное судопроизводство не является спором сторон, защищающих свои процессуальные интересы. Уголовное судопроизводство (за исключением малой толики дел частного обвинения) – это всегда столкновение защищаемого государством публичного интереса и интереса частного, что есть квинтэссенция существа уголовного дела.

Необходимо признать, что государство не выступает в уголовном процессе как участник уголовного судопроизводства, не ведет с обвиняемым никакого спора и не является стороной в уголовном процессе [1, с. 319]. Признание обратного автоматически нуллифицирует любую состязательность, так как никогда физическое лицо не сможет «состязаться» с всемогущим государством. Более того, именно в органах государственной власти ищет человек, попавший в жернова уголовного судопроизводства, гарантии своих прав и обеспечения законных интересов, а «от функции защиты прав граждан вообще не может быть освобожден ни один государственный орган, особенно в уголовном судопроизводстве» [1, с. 324].

М.С. Строгович писал, что «принцип состязательности в советском уголовном процессе ни в коем случае нельзя выводить из противоречий интересов государства и личности и рассматривать состязательную форму процесса как форму разрешения спора между государством и личностью» [22, с. 109].

Очевидно, что при заявленной концепции пространство для состязательности и равноправия сторон перед судом не очень велико и его можно сформулировать через триединую

конструкцию, в которой лишенный функциональной пристрастности и стоящий над сторонами арбитр, то есть суд, при помощи, как писал А.Ф. Кони, необходимых ему «помощников в исследовании истины в лице обвинителя и защитника... своими совокупными усилиями освещают разные, противоположные стороны дела и облегчают оценку его подробностей»⁸ [2, с. 59–60].

В контексте обеспечения равноправия сторон перед судом важно отметить обязательную нуллификацию процессуально-властных полномочий прокурора, вступившего в уголовный процесс в качестве государственного обвинителя. Завершение процессуально-властного влияния прокурора и органов предварительного расследования над уголовным делом происходит в момент утверждения им обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Одновременно с этим хотелось бы вспомнить нормативные положения, содержащи-

⁸ Надо отметить, что А.Ф. Кони только в этой конструкции и видел состязательное начало в уголовном процессе.

ся в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., которые по причине неолиберального увлечения состязательностью и равноправием сторон в УПК РФ не попали. В УПК РСФСР указывалось, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. В уголовно-процессуальной доктрине между методом состязательности и методом всесторонности, полноты и объективности серьезных противоречий не наблюдается. Вместе с тем с учетом публично-правовой формы организации уголовного судопроизводства в Российской Федерации включение данной нормы-принципа в действующее уголовно-процессуальное законодательство, на наш взгляд, поможет защитительной деятельности куда больше, чем современное, в ряде случаев совершенно невежественное правопонимание принципа состязательности и равноправия сторон перед судом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
2. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 542 с.
3. Шейфер С.А. Смешанный или состязательный: каким законодатель хочет видеть российский уголовный процесс / С.А. Шейфер, А.А. Тарасов // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. А.А. Напреенко. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 408–425.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2025. – 1041 с.
5. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве / В.Д. Зорькин. – Санкт-Петербург, 2024. – 353 с.
6. Соловьев С.А. Право защитника на собирание доказательств через призму гносеологии защитительной деятельности: борьба здравого смысла с невежеством / С.А. Соловьев // Адвокатская практика. – 2015. – № 5. – С. 43–48.
7. Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления : монография / В.Л. Григорян ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов, 2012. – 144 с.
8. Халатов С.А. О юридической ответственности судебного представителя / С.А. Халатов, Н.А. Чудиновская // Закон. – 2020. – № 10. – С. 95–108.

REFERENCES

1. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodec Publ., 2022. 464 p.
2. Koni A.F. History of the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. In Koni A.F. Collected Works. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. Vol. 4. 542 p.
3. Sheifer S.A., Tarasov A.A. Mixed or Adversarial: What the Legislator Wants to See in Russian Criminal Procedure. Napreenko A.A. (ed.). *State and Law: Issues of Methodology, Theory and Practice of Functioning. Collection of Scientific Articles*. Samara University Publ., 2006, iss. 2, pp. 408–425. (In Russian).
4. Golovko L.V. (ed.). *Criminal Procedure Course*. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2025. 1041 p.
5. Zorkin V.D. Lectures on Law and State. Saint Petersburg, 2024. 353 p.
6. Soloviev S.A. The Right of a Defender to Collect Evidence Through the Prism of the Epistemology of Defense Activity: The Struggle of Common Sense with Ignorance. *Advokatskaya praktika = Advocate Practice*, 2015, no. 5, pp. 43–48. (In Russian).
7. Grigoryan V.L.; Kornukov V.M. (ed.). Defense as a System-Forming Factor in Criminal Proceedings and the Principles of Its Implementation. Saratov, 2012. 144 p.
8. Khalatov S.A., Chudinovskaya N.A. Legal Responsibility of a Judicial Representative. *Zakon*, 2020, no. 10, pp. 95–108. (In Russian).
9. Sibirtsev G.I. Development of Ideas about Defense Activities in Criminal Proceedings. *Advokatskaya praktika = Advocate Practice*, 2015, no. 3, pp. 33–38. (In Russian).

9. Сибирцев Г.И. Развитие представлений о защитительной деятельности в уголовном процессе / Г.И. Сибирцев // Адвокатская практика. – 2015. – № 3. – С. 33–38.
10. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса / Н.Н. Полянский // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–19 г. – Ярославль : Тип. Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1920. – С. 135–170.
11. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 555 с.
12. Строгович М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1976. – № 10. – С. 73–81.
13. Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции / П.К. Барабанов. – Москва : Спутник+, 2016. – 512 с.
14. Шредер Ф.-К. Уголовно-процессуальное право Германии / Ф.-К. Шредер, Т. Феррел ; под ред. М.А. Кудратова. – 5-е изд. – Москва : Инфотропик Медиа, 2016. – 304 с.
15. Соловьёв С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьёв ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. – 296 с.
16. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / У. Бернам. – Москва : Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
17. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия, США). Вып. 1 / К.Ф. Гуценко. – Москва, 1969. – 207 с.
18. Махов В.Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии) : учебное пособие / В.Н. Махов, М.А. Пешков. – Москва : Бизнес-школа «Интел-синтез», 1998. – 208 с.
19. Барабанов П.К. Уголовный процесс Великобритании / П.К. Барабанов. – Москва : Спутник+, 2015. – 702 с.
20. Ерпылёв И.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран / И.В. Ерпылёв. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 152 с.
21. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование : монография / Н.Ю. Волосова, М.В. Волосова ; под общ. ред. Н.Ю. Волосовой. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 240 с.
22. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М.С. Строгович. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 152 с.
23. Polyansky N.N. The Purpose of Criminal Proceedings. Collection of the Yaroslavl State University. Yaroslavl, Yaroslavl S.-H. and the Credit Union of Cooperatives Publ., 1920, iss. 1, pp. 135–170. (In Russian).
24. Maslennikova L.N. Public and Optional Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss.* Moscow, 2000. 555 p.
25. Strogovich M.S. On the Rights of the Individual in Soviet Criminal Proceedings. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1976, no. 10, pp. 73–81. (In Russian).
26. Barabanov P.K. Criminal Proceedings in France. Moscow, Sputnik+ Publ., 2016. 512 p.
27. Schroeder F.-K., Ferrell T.; Kudratov M.A. (ed.). Criminal Procedure Law of Germany. 5th ed. Moscow, Infotropic Media Publ., 2016. 304 p.
28. Soloviev S.A.; Maslennikova L.N. (ed.). Favouring the Defence (Favor defensionis). Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
29. Burnham W. The US Legal System. 3rd ed. Moscow, Novaya yusticiya Publ., 2006. 1216 p.
30. Gutsenko K.F. Criminal Procedure of the Main Capitalist States (England, USA). Moscow, 1969. Iss. 1. 207 p.
31. Makhov V.N., Peshkov M.A. Criminal Procedure of the USA (Pre-Trial Stages). Moscow, Biznes-shkola "Intel-sintez" Publ., 1998. 208 p.
32. Barabanov P.K. Criminal Procedure of Great Britain. Moscow, Sputnik+ Publ., 2015. 702 p.
33. Erpylev I.V. Admissibility of Evidence in Criminal Procedure of Russia and Foreign Countries. Moscow, YurLitinform Publ., 2017. 152 p.
34. Volosova N.Yu., Volosova M.V.; Volosova N.Yu. (ed.). Criminal Procedure Legislation of Japan: A Comparative Study. Moscow, YurLitinform Publ., 2016. 240 p.
35. Strogovich M.S. The Nature of Soviet Criminal Procedure and the Principle of Adversarial Procedure. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR Publ., 1939. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Сергей Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник кафедры публичного права юридического факультета; адвокат, управляющий партнер.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soloviev Sergey Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Researcher at the Department of Public Law of the Faculty of Law; lawyer, managing partner.

Статья поступила в редакцию 11.01.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 06.02.2025. The article was submitted 11.01.2025; approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 06.02.2025.